О редакторе-составителе и авторе комментариев

Юрий Анатольевич Александровский

Доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии СССР. Родился в Москве 12 апреля 1936 года. Окончил 2-й Московский государственный медицинский институт. Работал врачом-психиатром и научным сотрудником в московской психиатрической больнице № 4 им. П. Б. Ганнушкина, в московском НИИ психиатрии, Институте фармакологии АМН СССР. В 1964 году защитил кандидатскую («Лечение шизофрении галоперидолом»), в 1972 году — докторскую («Клиническая фармакология транквилизаторов») диссертации. В течение 22 лет являлся заместителем директора по научной работе ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского» (в настоящее время — ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского» Минздрава России). В 1984 году организовал в Центре отдел пограничной психиатрии, который возглавляет до настоящего времени. Автор более 500 научных публикаций, в том числе трехтомной истории отечественной психиатрии, 32 монографий и руководств для врачей, руководитель и консультант более 50 докторских и кандидатских диссертаций. Написал многократно переиздававшуюся научно-популярную книгу «Глазами психиатра», а также научно-познавательные книги «Познание человека» и «Звоночек и все остальное».

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕХ ТОМОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Газетные страницы XX века

Пятидесятые годы

Шестидесятые годы

Семидесятые годы

Восьмидесятые годы

ТОМ ВТОРОЙ

Восьмидесятые годы (1988–1989)

ТОМ ТРЕТИЙ

Девяностые годы

Газетные страницы начала XXI века

Двухтысячные годы

Десятые годы

Современность

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

<i>В. Наумов, Л. Курин</i> Ленинское завещание.....	11
<i>В. И. Вернадский</i> «Коренные изменения неизбежны...»	27
<i>Галина Колдомасова</i> В те далекие годы	39
<i>Федор Бурлацкий</i> Какой социализм народу нужен	47
<i>Игорь Бестужев-Лада</i> Возвращение к правде	58
<i>Борис Викторов</i> «Заговор» в Красной армии	69
<i>Аркадий Ваксберг</i> Процессы	80
<i>Аркадий Ваксберг</i> Тайна октября 1941-го	92
<i>Андрей Камакин</i> Заговор обреченных	96
<i>Юрий Черниченко</i> Две тайны	104
<i>Кирилл Столяров</i> Последнее слово бывшего министра, бывшего депутата, бывшего честного человека	117
<i>Г. Овчаренко, А. Черненко</i> Колонна.....	126
<i>Евг. Евтушенко</i> Притерпелость	134
<i>Аркадий Ваксберг</i> Кость мамонта.....	145
«Написать всю правду...»	155
«Глазами человека моего поколения»	165
<i>А. Ежелев</i> Душное лето 46-го.....	176

<i>Жан-Поль Сартр</i>	
Зигмунд Фрейд, или «договор с дьяволом».....	186
<i>Б. Плеханов, А. Манн</i>	
Процесс 38-го. Три судьбы.....	197
<i>Виктор Тополянский</i>	
Он слишком много знал.....	216
<i>Н. Сафронова</i>	
50-е: «Дело врачей».....	222
<i>Леонид Почивалов</i>	
Немцы и мы.....	236
Как делали бомбу.....	244
Ответы историка.....	254
<i>А. Скороходов, полковник в отставке</i>	
Как нас «готовили на войну» с Берией.....	262
Крутые повороты.....	268
Сталин дал приказ.....	280
<i>Стивен Коэн</i>	
Николай Бухарин. Страницы жизни.....	284
<i>Дмитрий Волкогонов</i>	
Накануне войны.....	307
<i>Феликс Ковалев, Олег Ржешевский</i>	
Так начиналась война.....	317
<i>Лев Безыменский, Валентин Фалин</i>	
Кто развязал «холодную войну».....	330
<i>Александр Проханов</i>	
Я был в Степанакерте.....	342
<i>Никита Моисеев</i>	
Мои представления о новом облике социализма.....	351
<i>Даниил Гранин</i>	
Дорога к здравому смыслу.....	365
<i>С. Дебов, Ю. Файбишенко</i>	
Как бальзамировали Сталина.....	376
<i>Владимир Амлинский</i>	
Тень.....	384
<i>Федор Бурлацкий</i>	
Брежнев и крушение оттепели.....	395
Коллективизация: как это было.....	414
<i>Александр Севастьянов</i>	
Интеллигенция: что впереди?.....	427

<i>Олег Мороз</i> Последний диагноз.....	436
Заключительное слово Е. И. Чазова.....	449
<i>В. Лельчук, Л. Кошелева, А. Ильин</i> Индустриализация СССР: выбор курса.....	454
<i>И. Соболев, А. Манн</i> Он не мог поступить иначе.....	467
<i>Ярослав Голованов</i> Золотая клетка.....	472
<i>В. Лихолитов</i> Агония.....	484
<i>А. Белкин</i> Был ли Сталин психически больным?.....	487
<i>Александр Борин</i> Ритуал.....	491
<i>Ю. Заречкин, В. Соколов</i> Сопrotивление.....	507
<i>В. Буков</i> Почему мы отстали.....	515
<i>Н. Васецкий, доктор исторических наук</i> Ликвидация.....	519
<i>Р. Кузнецова</i> Из архива академика И. В. Курчатова.....	531
<i>Г. К. Жуков, Маршал Советского Союза</i> Коротко о Сталине.....	543
<i>Пленум правления Союза писателей СССР</i> Земля, экология, перестройка.....	553
<i>В. Казаков, Б. Коновалов</i> Наука и мерки истины.....	573
<i>Геннадий Бочаров</i> Afghan.....	578
Кончина.....	597
<i>Аркадий Ваксберг</i> Заслуженный деятель.....	604
<i>Л. Д. Крымский, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР (Институт сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева)</i> Не думал, что смогу когда-нибудь рассказать об этом.....	616
<i>Василий Селюнин</i> Иллюзия управления.....	620
Заключительное слово М. С. Горбачева на пленуме ЦК КПСС 25 апреля 1989 года.....	625

<i>Владимир Надеин</i> Съезд и наши надежды.....	643
«Судьбы скрещенья».....	672
<i>О. Мороз, А. Павлов, З. Федотова</i> Консилиум.....	679
<i>А. Логунов, И. Мосин</i> «Интеллигенция — понятие русское».....	691
<i>В. Изгаршев, полковник</i> Афганская боль.....	700
<i>Андрей Монин, член-корреспондент АН СССР</i> Добывать истину, а не чины.....	706
<i>С. Репнин</i> Черная дыра соцэкономики.....	711

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Детали истории создания СССР, как и его распада, интересовали многих читателей газет в прошлом, интересуют они и наших современников. В газете «Правда» в конце 80-х годов прошлого столетия печатались документально выверенные материалы о наиболее значительных событиях в истории КПСС и Советского государства. Среди них особое значение имели записи так называемого Ленинского завещания¹. Читая его, можно представить себе не только трагизм конкретной ситуации, сложившейся вокруг больного вождя революции, но и сложность и безнравственность борьбы за власть в руководстве страны. В разных вариантах она повторялась и в дальнейшем.

¹ Правда. 1988, 28 февраля.

В. Наумов, Л. Курин

ЛЕНИНСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Страницы истории

Редакция «Правды» совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС наметила к публикации серию материалов, посвященных значительным эпизодам в истории Коммунистической партии и Советского государства.

Эта серия материалов будет выходить под редакцией директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академика Г. Л. СМИРНОВА.

Сегодня документальный репортаж посвящается записям, которые продиктовал В. И. Ленин в конце декабря 1922 года и начале января 1923 года. Они вошли в Полное собрание сочинений В. И. Ленина под общим названием «Письмо к съезду». Родные, близкие, соратники Владимира Ильича называли их завещанием. Документы комментирует доктор исторических наук В. П. НАУМОВ. Он возглавляет сектор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

СТРОГО ЗА ФАКТОМ

Владимир Павлович Наумов при первой встрече сказал:

— Разумеется, «Письмо к съезду» следует рассматривать в общем контексте всех последних работ Владимира Ильича Ленина, посвященных практическому построению социализма. Перечислю их: «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)», «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)», «Лучше меньше, да лучше».

Возьмите сорок пятый том Полного собрания сочинений Ленина, прочитайте их. И вы убедитесь, что все они органически связаны между собой. Но это вовсе не значит, что каждую из этих работ не надо рассматривать детально, глубоко. В том числе и «Письмо к съезду».

Скажу прямо: этот документ непрост. Не только для непосвященного читателя, но и для специалиста-историка. Он требует очень скрупулезного, вдумчивого, диалектического и объективного, даже, не побоюсь сказать, объективистского анализа. Что это значит? Строго — за фактом. Строго — за документом. Строго — за добротным свидетельством очевидца. Ни в коем случае не опрокидывать историю, ни в коем разе не накладывать на нее поздние мерки, а тем более стереотипы, ярлыки. Исходить из тех условий политической обстановки, из тех идейных разногласий, а также личной борьбы за власть. Учитывать, что обусловлено объективными условиями, а что порождено субъективным

фактором. Значит — ни от чего не отворачиваться, ничего не скрывать, не бояться никакой правды. Значит — не обходить ни острых углов (а их будет предостаточно), ни диалектически разносторонних оценок, ни тех кажущихся, на первый взгляд, противоречий и загадок, которые встретятся в этом ленинском документе.

— Владимир Павлович, некоторым не нравится слово «завещание». Как вы на это смотрите?

— Хорошо, пусть будет не завещание. Хотя так называли его и Крупская, и Бухарин, и другие. Хорошо, будем рассматривать этот документ как один из последних уроков, данных Владимиром Ильичем Лениным и своим современникам, и нашим отцам, и нам, и нашим детям, и нашим внукам. Пусть не завещание, но урок мужества, мудрости, прозорливости, принципиальности, высокой нравственности. И добавлю, что немаловажно по нынешним временам, — урок доброжелательства, высокоинтеллигентной деликатности.

— А теперь пойдете в библиотеку, — заключил Наумов.

МУЖЕСТВО

Признаюсь, ждал приглашения в архив, ну, по крайней мере в так называемый «спецфонд». А мы спустились с пятого этажа в вестибюль, вышли в уютный заснеженный палисадник, за забором которого начиналась Выставка достижений народного хозяйства, и зашли в соседний корпус, где расположена институтская библиотека.

— Вы хотите знать, как писалось «Письмо к съезду»? — спрашивает В. П. Наумов. — Пожалуйста. Никаких секретов, никаких тайн. Возьмем с полки сорок пятый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Так вот, в конце сорок пятого тома, начиная со страницы 455, публикуется «Дневник дежурных секретарей Владимира Ильича Ленина». Он содержит записи поручений Ленина, приема им посетителей и других фактов с 21 ноября 1922 года по 6 марта 1923 года. Записи в дневнике вели секретарь СНК и СТО Л. А. Фотиева, помощник секретаря СНК и СТО М. А. Володичева, секретари Н. С. Аллилуева, М. И. Гляссер, С. А. Флаксерман и библиотекарь Ш. М. Манучарьянц.

Затем откроем двенадцатый том Биографической хроники Владимира Ильича Ленина, где расписан каждый день Ильича. И еще нам понадобится книга Л. А. Фотиевой «Из воспоминаний о В. И. Ленине (Декабрь 1922 г. — март 1923 г.)». Выпущена эта книга в 1964 году Политиздатом.

И вот эти три доступных всем источника лежат перед нами. Читая их, составим своеобразный дневник. Начнем с 12 декабря 1922 года.

Должен сказать, что записи наши будут неполными, а потому рекомендуем читателям прочитать все эти источники полностью.

12 декабря 1922 года. Утром Владимир Ильич приехал из Горок в Москву и пришел в свой кабинет в Кремле в 11 часов 15 минут. Побыл недолго и ушел домой, в свою квартиру. В 12 часов вернулся в кабинет и до двух часов беседовал со своими заместителями по СНК и СТО А. И. Рыковым, Л. Б. Каменевым и А. Д. Цюрупой... Вечером Ленин пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, говорил по телефону. От 6 до 6 часов 45 минут беседовал с Ф. Э. Дзержинским, только что вернувшимся из Тифлиса, о конфликте между Закавказским крайкомом

партии и членами ЦК КП(б) Грузии. Эта беседа сильно взволновала Владимира Ильича. После этого он занимался вопросом о монополии внешней торговли. Ушел домой в 8 часов 15 минут вечера. Никто не думал, что 12 декабря 1922 года станет последним днем работы В. И. Ленина в его кабинете в Кремле.

13 декабря у Владимира Ильича было два приступа болезни. Но, несмотря на это, врачам лишь с большим трудом удалось уговорить его на время совершенно отказаться от работы. Ленин сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела, что надо спешить, чтобы болезнь не застала врасплох.

Все три следующих дня — 13, 14, 15 декабря — спешил: разговаривал по телефону, принимал дома товарищей, готовился к выступлению на X съезде Советов, написал несколько писем и записок о монополии внешней торговли, распределении обязанностей между заместителями председателя СНК и СТО, интересовался заготовкой хлеба урожая 1922 года, социальным обеспечением, переписью населения и другими вопросами.

В ночь с 15 на 16 декабря резкое ухудшение здоровья. Новый приступ болезни. Несмотря на это, утром 16 декабря, до прихода врачей, Владимир Ильич продиктовал Надежде Константиновне еще одно письмо. С 11 до 11 часов 45 минут были врачи В. В. Крамер и А. М. Кожевников. На их предложение выехать в Горки Ленин отвечал отказом, он решил остаться в Москве. Ленин поручает Крупской передать Сталину, что по состоянию здоровья не сможет выступить на X Всероссийском съезде Советов. Вынужденный отказ от выступления сильно опечалил Владимира Ильича.

18 декабря заседает Пленум ЦК РКП(б). Принимается решение сообщить Ленину по согласованию с врачами текст резолюций Пленума. Специальным постановлением Пленум возлагает на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами.

20 декабря Ленина посещает профессор О. Ферстер. Владимир Ильич радушно его приветствует, спрашивает, как он доехал.

— Кстати, для выяснения дальнейшего хода событий весьма важно привести высказывание этого известного немецкого врача-невропатолога, который консультировал врачей, лечивших Ленина. «Болезнь Ленина, — говорил профессор, — была обусловлена в первую очередь внутренними причинами, она развивалась по внутренним законам, независимо от внешних факторов, с беспощадной закономерностью... Если бы Ленина в октябре 1922 года и дальше оставляли бы в бездеятельном состоянии, он лишился бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть».

21 декабря Ленин с разрешения профессора Ферстера диктует Крупской письмо Троцкому, выражает свое удовлетворение решением Пленума ЦК РКП(б) по вопросу о монополии внешней торговли, предлагает провести постановление о постановке на партийном съезде вопроса об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения, огласить это его предложение на комфракции съезда Советов.

После этого Сталин, узнав об этом письме, грубо обругал Крупскую по телефону и угрожал ей Контрольной комиссией за то, что она записала под диктовку названное выше письмо. В связи с этим Н. К. Крупская 23 декабря 1922 года направила Л. Б. Каменеву следующее письмо:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина... Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская».

Надежда Константиновна сразу ничего не рассказала Ленину об этом факте. Так что он никоим образом не мог повлиять на ту характеристику Сталина, которая дана в записи от 4 января 1923 года. Лишь в начале марта 1923 года Ленин узнал о происшедшем и продиктовал письмо Сталину:

«Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин.
5-го марта 23 года».

Сталин, как писала позднее М. И. Ульянова в своем письме президиуму июльского (1926 года) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором был поднят этот вопрос, извинился.

Еще раз повторяем, что этот конфликт никак не мог отразиться на «Письме к съезду». Но взятый отдельно, сам по себе достаточно ясно характеризует в нравственном отношении участвующих в этом эпизоде лиц. Грубость, холодность, бездушие Сталина и предельная выдержка, деликатность, вежливость Ленина и Крупской. Сами по себе процитированные только что документы свидетельствуют об этом. И вряд ли стоило домысливать те скабрзные слова, которые вложил драматург Михаил Шатров в уста Сталина в пьесе «Дальше... дальше... дальше!», описывая этот эпизод.

21 декабря Ленин поручает Н. П. Горбунову попросить члена коллегии НТО ВСНХ М. Я. Лапирова-Скобло, находящегося в командировке за границей, написать срочно пару диктофонов и прислать с диктующим. Ленин борется со своей болезнью. Ленин не сдаётся.

В ночь на 23 декабря болезнь обострилась. Мария Ильинична Ульянова сообщила горькую весть: болезнь Владимира Ильича распространилась дальше, правая рука и правая нога поражены параличом. С этих пор Владимир Ильич больше не мог сам писать.

23 декабря. Ленин просит врача А. М. Кожевникова разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его «волнует один вопрос», и он боится, что не заснет. Получив разрешение, вызывает (в начале 21 час.) на квартиру М. А. Володичеву.

Запись Володичевой:

«В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо

к съезду. Запишите!» Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось. По окончании спросил, которое число. Почему такая бледная?..»

Так Владимир Ильич диктует первую часть «Письма к съезду», в которой говорится о пополнении состава ЦК рабочими.

24 декабря. В ответ на требование врачей прекратить переговоры Владимира Ильича со своим секретарем и стенографисткой он поставил вопрос ультимативно: или ему будет разрешено диктовать свой «дневник» хотя бы в течение короткого времени ежедневно, или он вовсе откажется лечиться. Владимир Ильич, вероятно, полагал, что такое невинное название — «дневник» — позволит быстрее получить разрешение.

В тот же день — 24 декабря — после совещания И. В. Сталина, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина с врачами принимается решение: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5–10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Ленин вызывает (между 18 и 20 час.) на квартиру М. А. Володичеву и диктует (в течение 10 минут) вторую часть «Письма к съезду», которая содержит личные характеристики видных деятелей партии.

М. А. Володичева записывает в дневнике: «Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считает категорически секретным».

Добавим к этому, что немаловажно, как окажется впоследствии. В 1929 году М. А. Володичева писала: «Черновики копий мною сжигались. На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В. И. Ленин, а после его смерти — Надежда Константиновна. Слова «а после его смерти» на конвертах я не писала».

— Здесь придется сделать отступление и забежать немного вперед, — говорит В. П. Наумов. — Ленин не хотел, чтобы кто-либо, включая и членов Политбюро, преждевременно узнал о тех личных оценках, которые были высказаны в этих документах. Это понятно. Можно представить себе, что влекло за собой преждевременное разглашение ленинских записей.

Что же произошло? Первая часть «Письма к съезду» в записи от 23 декабря, касающаяся увеличения числа членов ЦК, как и предназначалось, была в тот же день послана в ЦК РКП(б). Об этом имеется запись в «Книге регистрации писем, записок и поручений В. И. Ленина».

— А какова судьба остальных частей, которые были записаны 24, 25, 26 декабря?

— В литературе господствовало убеждение, что только в мае 1924 года, когда Крупская передала комиссии ЦК бумаги Ленина, — только тогда стало известно содержание всех ленинских записей, в том числе и записей, сделанных в конце декабря. Однако документы свидетельствуют о другом. О всех записях до 29 декабря по крайней мере Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро. В объяснении, написанном 29 декабря 1922 года

на имя Каменева, она оправдывала свой поступок тем, что будто бы Володичева не предупредила ее о строжайшем указании точно выполнить волю Ленина. Но достаточно обратиться к записям в дневнике дежурных секретарей Ленина, которые мы только что процитировали, чтобы поставить под сомнение эти объяснения Фотиевой.

Следовательно, члены Политбюро и часть членов ЦК были осведомлены о тех строго секретных личных характеристиках, данных Лениным некоторым деятелям партии. Трудно себе представить, что они никак не реагировали на эти оценки.

О грубейшем нарушении воли Ленина ему не сообщили, понимая, какую это вызовет реакцию, и учитывая состояние его здоровья. И Владимир Ильич был твердо убежден, что завещание его сохранится до съезда партии в строжайшей тайне.

— Возвратимся, Владимир Павлович, к нашему дневнику.

— Пожалуйста. Обратимся снова к источникам.

25 декабря Ленин продолжает диктовать М. А. Володичевой вторую часть «Письма к съезду».

26 декабря Ленин диктует Л. А. Фотиевой (в течение 15 минут) последнюю часть «Письма к съезду».

29 декабря — добавление к «Письму к съезду» — «К отделу об увеличении числа членов ЦК».

Врачи разрешают Ленину читать книги.

4 января 1923 года. Ленин диктует Л. А. Фотиевой добавление ко второй части своего «Письма к съезду» от 24 декабря 1922 года, дает в нем характеристику Сталина, рекомендует обдумать способ перемещения его с поста Генерального секретаря ЦК РКП(б).

— А теперь, наверное, надо переходить к содержанию «Письма к съезду».

— Но до этого несколько слов об обстановке в стране, в партии, в ее руководстве...

ОБСТАНОВКА

— Общий стратегический план строительства социализма был намечен Лениным ранее. Но опыт последних лет требовал корректировки, дополнения, существенных изменений. Те выводы, которые Ленин сделал из обобщения социалистического строительства на путях новой экономической политики, заставляли признать «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Неожиданная болезнь захватила В. И. Ленина на важнейшем переломном рубеже в истории нашей партии и государства.

Только что кончилась гражданская война, отживали нормы и правила военного коммунизма, страна переходила на новую экономическую политику. Это был перелом. Замечу: крутой перелом. Во всем: политике, экономике, идеологии, психологии людей. Далеко не сразу и далеко не все сумели принять этот перелом, понять его важность, осознать неизбежность. В том числе и члены Политбюро, члены ЦК партии.

Следует учитывать и насущную задачу, которая определена в резолюции X съезда по вопросам партийного строительства. Цитирую:

«Нужно вновь собрать партию, которая за период войны была разбита на отдельные отряды. Нужно сблизить «верхи» и «низы», военных работников и гражданских, профессионалистов и советских, старых и новых членов партии, «молодых» и «стариков». Без решения этой основной задачи не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда».

Чтобы уяснить роль этого пролетарского авангарда, приведу еще цитату. Закрывая XI съезд партии, Ленин говорил:

«Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение».

Вот в этом и ключ к тем словам, которыми открывается первая часть «Письма к съезду». Откройте, пожалуйста, сорок пятый том Полного собрания сочинений на странице 343. Читаем:

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе».

РАДИ ЧЕГО ПЕРЕМЕНЫ?

— В. И. Ленин объясняет: «Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз».

— Владимир Павлович, извините, перебую вас. С первых строк этого важнейшего документа, в котором по сути выражена последняя воля вождя, никакой назидательности, никакого нажима, никакой жесткой категоричности. Обратите внимание на ленинскую лексику: «советовал бы», «мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными», «думаю предложить вниманию съезда», «мне думается»...

— И добавлю: такой стиль, такая манера изложения, когда речь идет о серьезных, кардинальных политических понятиях, категориях. И очень тревожных. Читаю фразу, с которой начинается запись, продиктованная 24 декабря 1922 года:

«Под устойчивостью Центрального Комитета, о котором я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты».

— Чем был так сильно встревожен Владимир Ильич, что его беспокоило в первую очередь?

— Объясню и это. Необходимо было сосредоточить все силы и средства, которыми располагала партия, наш народ, на решении великих задач. Однако в этот ответственный, исторически переломный момент болезнь оторвала Ленина от партийного и государственного руководства. Владимир Ильич хорошо осознавал это. Знал он, видел, что в первые же дни, месяцы его болезни в штабе партии не налаживалась дружная работа. И дело было не только и не столько в отдельных конфликтах. Они были и ранее. Реальной угрозой стала перспектива раскола Центрального Комитета, руководства партии в целом. Вот это больше всего и тревожило Ленина.